

005003595

На правах рукописи

ШАТОХИНА Светлана Богдановна

**ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЖЕНЩИН В РОССИЙСКОЙ
ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ВОРОНЕЖСКОЙ И КУРСКОЙ ГУБЕРНИЙ)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

24 НОЯ 2011

Белгород 2011

Работа выполнена в ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»

Научный руководитель	Шаповалов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор
Официальные оппоненты	Третьяков Александр Викторович, доктор исторических наук, профессор Смоленская Оксана Алексеевна, кандидат исторических наук
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный педагогический университет»

Защита состоится 15 декабря 2011 г. в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.015.11 Белгородского государственного национального исследовательского университета, по адресу: 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, ауд. 260.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Автореферат диссертации размещен на официальном сайте ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» – <http://www.bsu.edu.ru>

Автореферат разослан «12» ноября 2011 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. На рубеже XIX – XX вв. вышли на поверхность с особой яркостью и масштабностью последствия буржуазных реформ и социальных модернизационных процессов. Важнейшим их следствием в социальной сфере была межсословная и межполювая эмансипация в российском обществе. Ломались сословные перегородки, началась интенсивная горизонтальная и вертикальная мобильность населения, которая ускорялась и усложнялась ещё и ростом подвижности населения, обусловленного экономическими факторами и облегчаемого грандиозным развитием в этот период транспортной инфраструктуры страны. Эти внешние проявления изменений в социальной сфере, в межличностных отношениях, были невозможны без ломки поведенческих стереотипов, без создания через пробы и ошибки, через эпатаж новых традиций, новых ценностных установок, новых идеалов. Вследствие этого и женщины разных сословий были вовлечены в эти процессы и как их объект, и как субъект. Шла очевидная трансформация женского мира, отражая тем самым, кардинальную перестройку общества. Можно сказать, что вопросы места и роли женщины в новой рождающейся структуре российского общества были на одном из первых мест. Ключевое значение в решении этих вопросов имело женское общее и профессиональное образование. Образование (его уровень и качество) давало женщине ту основу, которая позволяла ей претендовать на новые социальные роли, на более значимое место в жизни общества. И это касалось всех сторон жизни женщины: профессиональных занятий, общественно-политической сферы, досуга и творчества, семьи.

В отечественной историографии рассмотрение вопроса провинциального женского образования в указанном ракурсе не проводилось, оно не было вписано в контекст повседневных реалий. Именно это и определяет актуальность настоящего исследования.

Объектом исследования является эволюция общего и профессионального образования женщины в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века в контексте повседневности.

Предметом исследования является механизмы и результаты воздействия полученного женщинами разных сословий образования на изменения их жизненного сценария, практики повседневной жизни, их роли и места в экономической, общественно-политической и культурной жизни населения Воронежской и Курской губерний в рассматриваемый период.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 60-х годов XIX века до 1917 года. Нижняя граница обусловлена началом буржуазных реформ, когда стала формироваться новая общественная атмосфера, способствовавшая росту гражданской активности сначала части образованной элиты провинциального общества, а затем и деятельности представителей всех других сословий и социальных групп населения, в том числе и из женской их половины. Отражением этого стала межполювая эмансипация. Материальным воплощением этого процесса стало возникновение и развитие многочисленных и разнообразных образовательных и культурно-просветительских институтов. Учебные заведения разного уровня, библиотеки и музеи, лектории и народные чтения, профессиональные и любительские труппы, культурно-просветительские общества и другие организации при постоянно возрастающей активности женщины становились не только каналами их приобщения к азам и достижениям образо-

вания, науки и культуры, но и местом приложения своих профессиональных знаний, инструментом для демонстрации провинциальному обществу своих интеллектуальных достижений. Верхняя граница обусловлена началом революционных потрясений, которые кардинально изменили существовавшую в российской провинции общественно-политическую и социально-экономическую ситуацию, а, значит существенно, повлияли на механизмы и содержание исследуемого нами явления.

Географические границы исследования охватывают территорию Воронежской и Курской губерний – типичных провинциальных регионов Российской империи. Аграрный характер их экономики не способствовал интенсивным модернизационным процессам в общественной жизни и повседневности, раскрепощению сознания, активному разрушению традиционных представлений о месте и роли образованной женщины в общественной жизни и экономике региона. В силу ограниченности источниковой базы для иллюстрирования некоторых сторон исследуемого процесса мы обращались к источникам личного происхождения, характеризующим сходные события и ситуации в других регионах российской провинции. Это не может изменить общие выводы по исследуемому региону. Здесь региональная специфика не являлась определяющей, на фоне сословной или стратификационной составляющей.

Методологическая основа диссертации базируется на принципах историзма и научной объективности, системном и диалектическом подходе к познанию прошлого, что позволило изучать исследуемый предмет в динамике, в конкретно исторической обусловленности и при его всестороннем охвате. В работе были использованы следующие методы исследования фактического материала привлеченных источников: методы статистического анализа, историко-сравнительный, историко-генетический методы. Методика статистического анализа использовалась для выявления латентной информации о процессах развития сети образовательных учреждений, гендерных особенностях формирования и функционирования в рассматриваемый период профессиональных сообществ, прежде всего, педагогической и медицинской интеллигенции. Историко-сравнительный метод позволил вскрыть сущность изучаемого явления и найти общее, закономерное и особенное, специфическое, характерное для изучаемого региона. С помощью историко-генетического метода удалось проследить развитие различных сторон, свойств и качеств изучаемого явления. Использование системного и диалектического подхода в тесном единстве с историческими методами познания позволило видеть и анализировать предмет исследования как сложный, многогранный, динамичный, порой противоречивый процесс, имеющий прямые и обратные связи с образованием и культурой, экономикой и правовой системой государства, традициями и новациями.

Степень изученности проблемы. В отечественной историографии исследуемой проблемы логически выделяются три основных периода: дореволюционный, советский и постсоветский. Их выделение обусловлено, прежде всего, сменой общественно-политического строя. Это влекло за собой и изменение методологических подходов, которыми руководствовались историки, акцентированием исследовательских интересов на актуальных для той или иной общественной повестки дня аспектах заявленной темы.

Для первого этапа – дореволюционной историографии – характерно непосредственное наблюдение исследуемого предмета, а значит – определенная вовлеченность и сопричастность, что затрудняло формирование объективного экспертного подхода к его осмыслению. Однако методологический плюрализм

и многообразие исследовательских интересов создали палитру работ, целостное восприятие которых позволяет все же выявить и понять суть исследуемого явления. При этом следует отметить, что интерес историков к роли женщин в обществе стал активно формироваться начиная с середины XIX века под влиянием наблюдения и осмысления постепенного выхода русской образованной женщины на стезю общественной и трудовой деятельности. Это были научно-популярные работы¹, посвященные эволюции положения женщин в России в предшествующие исторические эпохи, однако они инициировали и закрепили интерес исследователей к изучению начавшихся процессов эмансипации, формировали базовые представления об отечественной традиции и особенностях этого явления. Однако В. Шульгин, В. Михневич, Д.Л. Мордовцев, А.Н. Чудинов о роли и степени влияния образования на изменение статуса, места и значения женщины в модернизирующем обществе если и говорили, то это были общие, неконкретизированные и неразвитые замечания.

В дореволюционной отечественной публицистике и историографии сформировались различные точки зрения на стремление женщин разных сословий к получению общего и профессионального образования, а затем к его применению в различных сферах экономики, и прежде всего в земской образовательной и медицинской деятельности. Основные легальные направления в осмыслении этого вопроса определились идеологической ангажированностью авторов. При этом, несмотря на идеологические разногласия, многие исследователи², обращавшиеся к истории женского образования в России, акцентировали внимание своих читателей, что «особый» статус женщин в семье и обществе имел противоречивое влияние на возможность получения образования. Непреодоленная патриархальная традиция неравноправия женщин, ее подчиненное положение в семье даже в начале XX века не позволили кардинально решить женский вопрос в деле получения и применения ими образования³. С другой стороны, еще в 1870 году Н.А. Корф отмечал, что сама «природа» женщины-матери является благоприятным основанием для того, чтобы женщина заняла ведущее место среди педагогических работников: «...в какой мере женщина способна обучать в школе? Подобный вопрос, кажется нам, может представиться только для тех, которые не хотят видеть того, что перед глазами: кто чаще обучает собственных детей своих: отец или мать? Конечно последняя; в чем тут сомневаться?»⁴

¹ Шульгин В. О состоянии женщин в России до Петра Первого. Киев, 1850; Чудинов А.Н. Очерк истории русской женщины в последовательном развитии ее литературных типов. Публичные лекции, читанные в Орле в марте 1871 г. СПб., 1889; Мордовцев Д.Л. Русские женщины. М., 1993; Михневич В. Русская женщина XVIII столетия. Исторические этюды. Киев, 1895.

² Безобразов В.П. О правах женщины. М., 1895; Харламов И. Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3. С. 59-107; Ефименко А.Я. Крестьянская женщина // Дело. 1873. № 2; Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России. 1086-1796. СПб., 1890; Минович Н. Из истории женского образования в России XVIII- XIX вв. // Русская мысль. 1900. № 9.

³ Щепкина Е.Н. Женщины в русских университетах // Вестник Европы. 1912. № 9. С. 362-377; Дюринг Е. Высшее женское образование и университеты. СПб., 1902; Шашков С.С. Очерки истории русской женщины. СПб., 1872; Катков М.И. О женском образовании. М., 1897; Зинченко Н. Женское образование в России: Исторический очерк. СПб., 1901.

⁴ Корф Н.А. Русская начальная школа. Руководство для земских гласных и учителей сельских школ. СПб., 1870. С. 30.

Либеральное направление рассматривало активную вовлеченность женщин в образование и медицину как прогрессивное достижение. При этом либеральные публицисты стремились максимально высветить трудности, с которыми сталкивались женщины на пути получения образования и попыток его использовать как по экономическим, так и по своим идеалистическим и романтическим устремлениям. Наиболее распространенными и показательными в этом были трудности, с которыми сталкивались в своей работе и жизни земские учительницы⁵. Такой подход ставил своей целью привлечь внимание общества к этим проблемам и силой общественного мнения побудить власть на улучшение положения земского учительского персонала.

Консерваторы несколько по иному смотрели на получение женщинами как общего, так и профессионального образования, а также на профессиональную деятельность женщин, в том числе и на участие женщин в работе земских и церковно-приходских школ. В основном они прямо не отвергали необходимость массового получения образования и труда женщин в образовательных и медицинских учреждениях, однако находили другие негативные моменты, которые, по их мнению, препятствовали стремлению женщин к активной трудовой деятельности в этих секторах экономики. Они указывали на то, что учительница и фельдшерца в патриархальном крестьянском сознании не вызывают доверия, что среда земского третьего элемента заражена социалистическими и антиправительственными идеями, а их пропаганда вызывает конфликты учительниц и фельдшерц с приходским духовенством и местным начальством⁶.

Серьезные исторические работы, в которых затрагивались вопросы труда и условий жизни учительниц земских школ, появились уже в начале XX века. Они принадлежат перу историков образования и педагогики, придерживающихся как консервативных⁷, так и либеральных взглядов⁸. Заслугой В.В. Григорьева и С.В. Рождественского, на наш взгляд, является более глубокая и качественная, чем у их оппонентов, проработка нормативных документов, что позволило им проследить складывание правового статуса земского учительства. Достоинство работ Е.А. Звягинцева, П.Ф. Каптерова, Н.В. Чехова состоит в широкой и качественной источниковой базе, так как они привлекли и проанализировали, кроме документов нормативного характера, еще и значительный объем земской периодики, публицистики, статистические материалы. На такой источниковой базе они смогли создать обстоятельную картину эволюции социального статуса и материального положения земского учительского персонала в контексте деятельности земских органов управления.

Историографию второго этапа (1917-1991 гг.), несмотря на следование единой методологической традиции, нельзя характеризовать как поступатель-

⁵ Грабовский П.А. О развитии народного образования в Ахтырском уезде Харьковской губернии // Грабовский П.А. Зібрання творів: У 3 т. Київ, 1960. Т. 3. С. 15–16; Корф Н.А. Русская начальная школа. Руководство для земских гласных и учителей сельских школ. СПб., 1870.; Кавелин К.Д. Крестьянский вопрос. СПб., 1882. С. 176; Приклонский С. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб., 1886. С. 134; и др.

⁶ Рачинский С.А. Заметки о сельских школах. СПб., 1883. С. 35; Южанин. Картинка из сельской жизни русской народной школы // Педагогическая хроника. 1879. № 11. С. 246 и др.

⁷ Григорьев В.В. Исторический очерк русской школы. М., 1900; Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902.

⁸ Звягинцев Е.А. Полвека земской деятельности по народному образованию. М., 1917; Каптеров П.Ф. История русской педагогики. М., 1915; Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX в. М., 1912.

ное и системное развитие единого понимания сути и содержания исследуемого предмета. Однако общие тенденции в ее развитии выделить можно. Во-первых, начало этого этапа ознаменовалось упрощенным вульгаризированным подходом к оценке развития женского образования и его влияния на изменение жизни женщин. Исследователи исходили из классового подхода, по которому расширение возможностей получения образования женской частью эксплуатируемого населения – это результат борьбы, прежде всего, партии большевиков, а также под ее руководством сознательной части трудящихся масс; это крошечная уступка царского режима. Само же образование для трудящихся было элементарным, ущербным и не открывало женщине широкой дороги в жизнь⁹. Образование для женщин привилегированных слоев населения было поставлено лучше, однако и в этом случае оно имело ограниченный характер, так как было нацелено на подготовку женщины к выполнению обязанностей матери и домохозяйки или малоквалифицированного труда в сфере воспитания, образования и медицины¹⁰. Постепенно такой подход сменялся более взвешенными и не столь категоричными безапелляционными оценками при сохранении своей основополагающей сути.

Во-вторых, изменение повседневной жизни, по мнению советских историков было обусловлено, прежде всего, их активной жизненной позицией, участием в общественной борьбе, а не полученным образованием. По крайней мере, последнее не было определяющим фактором. Стремление женщин привилегированных классов к получению профессионального образования, в том числе и высшего, носило прогрессивный, но буржуазный характер, так как эта борьба была борьбой за уступки со стороны царизма¹¹. Борьба женщин за получение и использование профессионального образования стояла в общем ряду с борьбой за другие социальные и политические права женщин, была составной частью движения за эмансипацию женщин, что характерного для буржуазной общественной активности. Результаты же борьбы, по мнению историков, были малозначительными, а потому не несли за собой существенного изменения повседневной жизни основной массы женщин страны – работниц и крестьянок¹².

Советская историография, опираясь на марксистскую методологию, увидела в деятельности дореволюционной школы, прежде всего негативные составляющие. Так земское учительство до середины 1950-х годов представлялось носителем мелкобуржуазной идеологии, что несовместимо со строительством социалистического общества. Особо акцентировалось внимание на материальную и социально-правовую зависимость земских учителей и учительниц от органов местного самоуправления и правительственных структур, на низкий уровень профессиональной подготовки земского учительства. В качестве аргументации последнего постулата выстраивалась следующая весьма некорректная

⁹ Самойлова К.Н. Работницы в российской революции. М., 1920; Цедербаум С.О. Женщины в русском освободительном движении (1870 – 1905). Л., 1927.

¹⁰ Андреевский Л.И. Образование и воспитание в барской семье Вологодской губернии в начале XIX в. // Север. 1928. №7/8. С.17-29.

¹¹ Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет России (1878-1918). М., 1980.

¹² Ефремова Н.П. Шестидесятницы // Вопросы истории. 1978. №9; Ковалева И.Н. Женский вопрос в России 50-60-х гг. XIX в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторические науки. М., 1981. С.118-127; Никитина Т.Б. Женщины в русском освободительном движении 60-70-х гг. XIX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1971.

схема: 1) оплата труда в земской школе была низкой; 2) это обстоятельство толкало хорошо образованных учителей и учительниц искать и находить более высокооплачиваемые места; 3) таким образом, в начале XX века большинство вакансий здесь было занято «молодыми девушками с небольшим педагогическим стажем»¹³. При этом П.П. Блонским совершенно игнорировались конкретно исторические условия, не учитывалось качество педагогических кадров в других типах школ.

В середине 1950-х годов происходит переосмысление места и роли земского учительства в российском освободительном движении и общественно-политической жизни страны второй половины XIX – начала XX в. Как оказалось, среди земских учителей и учительниц были широко распространены идеалы народничества и революционной борьбы¹⁴, большевики вели активную работу по формированию устойчивого влияния среди земского учительства и вовлечению наиболее подготовленных его представителей в свои ряды¹⁵, а уже в годы первой русской революции педагоги земских школ были деятельными ее участниками и сторонниками революционных сил¹⁶. Такая переоценка стала возможной благодаря отходу историков от жесткого догматического марксистско-ленинского понимания исторического процесса в период оттепели; а затем закрепилась и получила развитие в перестроечные и постперестроечные годы.

В первой половине 1980-х годов стали появляться работы, которые размывали в историческом сознании устоявшиеся идеологические конструкции, согласно которым женщина в дореволюционный период была бесправной, униженной, необразованной и социально пассивной. Несмотря на то, что С.Д. Бабишин, Н.Л. Пушкарева, А.Л. Мединцева обращались к переосмыслению положения женщины в русском средневековом обществе¹⁷, это был посыл

¹³ Блонский П.П. Курс педагогики (Введение в воспитание ребенка). Пособие для высших учебных заведений и учительских курсов. М., 1918. С. 92, 96.

¹⁴ Ерман Л.К. Участие демократической интеллигенции в стачечном и профсоюзном движении (1905–1907 гг.). М., 1955. С. 5–7; Корнилов Е.Г. Земские учителя в революционном движении 70-х годов XIX в. // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1971. С. 439; Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. М., 1986; Сергеевкова В.В. Учителя начальных школ в революционном движении России 60–70-х гг. XIX в. // Вопросы истории: Межведомственный сборник. 1984. Вып. 2; и др.

¹⁵ Волков В.И. Борьба большевиков за учащуюся молодежь и учительство в период революции 1905–1907 гг. // Советская педагогика. 1951. № 1. С. 30; Ерман Л.К. Борьба большевиков за вовлечение народных учителей в революционное движение 1905 г. // Советская педагогика. 1955. № 4; Дзверин О.Г. Борьба большевиков за народную освіту в период першої російської революції // Радянська школа. 1955. № 12. С. 25–26; Заслуженков В.С. Питання народої освіти в діяльності більшовиків у дореволюційний період // Український історичний журнал. 1971. № 9. С. 78; Ушаков А.В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М., 1985 и др.

¹⁶ Ониани В. Большевицкая партия и интеллигенция в первой русской революции. Тбилиси, 1970. С. 19–21; Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976. С. 17–39; Федюкин С.А. Партия и интеллигенция. М., 1983. С. 28–29; и др.

¹⁷ Бабишин С.Д. О грамотности женщины в городах Киевской Руси // Вопросы истории СССР (Харьков). 1980. № 3. С. 136–142; Пушкарева Н., Левина Е. Женщина в средневековом Новгороде XI–XV вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. М., 1983. № 3. С. 78–89; Пушкарева Н.Л. Социально-правовое положение женщин в русском государстве X–XV вв.: вопросы преступления и наказания // Советское государство и право. 1985.

историческому сообществу на более тщательный и взвешенный анализ и отход от идеологизированных оценок места и роли женщин в поздней имперский период развития российского общества.

Уже с середины 1980-х годов в отечественной исторической науке начинает формироваться устойчивый практический интерес к достижениям школы «Анналов» и других методологических традиций иностранных историков (гендерная история, история повседневности и др.)¹⁸, стали проводиться исследования по близкой проблематике¹⁹. Однако только с 1991 года можно говорить о новом этапе в историографии проблемы. В 1990-е годы заметным и набирающим силу направлением в современной отечественной исторической науке стала гендерная история. В работах Н.Л. Пушкаревой²⁰ был обобщен опыт и сформированы концептуальные подходы к исследованию проблем гендерной истории на отечественном материале. В ряде работ она обращается непосредственно к рассмотрению проблем эволюции места и роли женщины в русской семье, в общественно-политической жизни России в интересующий нас период – второй половины XIX – начала XX века²¹.

Наиболее популярными в отечественной гендерной историографии последних двух десятилетий стали темы, связанные с историей женского образования и воспитания²², женской благотворительностью²³, семьей и браком²⁴. По

№ 4. С. 121–126; Мединцева А.Л. Грамотность женщин на Руси XI–XIII вв. по данным эпиграфики // Слово о полку Игореве и его время. Л., 1985. С. 218–240.

¹⁸ Кром М.М. Историческая антропология. СПб., 2004. С. 101.

¹⁹ Милогова И.М. Семья и семейный быт пореформенной деревни 1861 – 1900. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988.

²⁰ Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; ее же. Женщины России и Европы на пороге нового времени. М., 1997 и др.

²¹ Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье X – XX вв. // Русские. Отв. ред. Власова И.В., Полищук Н.С. М., 1997. С. 456–466; ее же. История женщины и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. 1997. М., 1998. С. 69–95; ее же. Первые российские женщины – ученые: опыт типизации индивидуальных жизненных стратегий // Женщины в отечественной науке и образовании. Кострома, 1997. С. 3–8; ее же. Русская женщина в семье и обществе X – XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 3–15.

²² Андреева Е.А. Возникновение и развитие епархиальных женских училищ в России (середина XIX – начало XX века). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000; Белова А.В. Женское институтское образование в России // Педагогика. 2002. № 9; Евстратова А.И. Развитие высшего женского образования в России в XIX веке // Женщины в отечественной науке и образовании. Иваново, 1997. С. 33–36; Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999; Кирьянова О.Б. Развитие женского низшего профессионального образования в России конца XIX – начала XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1996; Котлова Т.Б. «...Много хороших воспоминаний осталось от гимназии» (женское образование в России сто лет назад) // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 254–277; Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. М., 2009; Рыболова Е.А. История женских гимназий России во второй половине XIX – начале XX веков (по материалам Московского учебного округа). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004; Третьяков А.В. Становление и развитие низшего сельскохозяйственного образования России в конце XIX – начале XX веков. Дисс. ... докт. ист. наук. Курск, 1997. Христофорова Н.В. Женские гимназии в России // Педагогика. 1998. № 4 и др.

²³ Волкова Е.Ю. Ярославское общество взаимопомощи женщин // Женщины и российский общество: научно-исторический аспект. Иваново, 1995. С. 71–76; Демидова О.Р.

иному звучали проблемы участия женщин в общественно-политической жизни страны²⁵. В начале XX века исследователи обратились к более сложным и перспективным темам на стыке гендерной и социальной истории, а также истории повседневности. Это работы С.П. Шаповаловой, В.Л. Колесниковой, Л.А. Бровкиной, Е.Н. Меньшиковой, Н.Н. Черкасовой²⁶, которые обратились к комплексному изучению эволюции социально-правового статуса, семейно-бытовых аспектов повседневной жизни крестьянок, женщин духовного и купеческого сословий, земских учительниц.

С конца 1980-х годов стали появляться и историографические работы по проблемам профессиональной деятельности и повседневности земского учительского персонала. Их авторы концентрируют внимание и на вопросы касающиеся места и роли в образовательной деятельности женщин²⁷. Сплотный

Женщины русской эмиграции – благотворительная деятельность (по материалам Бахметевского архива) // Женщина в российском обществе. 1996. № 2. С. 28-30; Жукова А.А. Деятельность женских благотворительных организаций в России по оказанию помощи детям в XVIII – начале XX в. // Женщина в российском обществе. 1996. № 1. С. 43-49; ее же. По заветам Марфы и Марии // Родина. 1996. № 3. С. 9-12; Каменчук О.Н. Благотворительная и меценатская деятельность россиянок в конце XIX – начале XX в. // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 261-269; Пашенцева С.В. Социальные предпосылки деятельности женских благотворительных обществ Российской империи // Женщина в российском обществе. 1998. № 4. С. 38-44.

²⁴ Белова А.В. Замужество в провинциальной дворянской культуре XVIII – первой половине XIX века // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь, 2000. С. 21-32; Крюкова С.С. Семья и семейный быт крестьян южно-русских губерний России во второй половине XIX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992; Листова Т.А. Народный православный обряд создания семьи // Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков. М., 2001. С. 100 – 104; Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. М., 2009.

²⁵ Кулик В.Н. Отношение правых партий России к женскому вопросу // Известные страницы Верхневолжья. Тверь, 1994; ее же. Пути общественного служения женщин в пореформенной России // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь, 2000. С. 102-105; Смирнов А.Ю. «Общеземская организация» и участие женщин в ее отрядах во время войны с Японией: 1904-1905 // Женские и гендерные исследования. СПб., 2000. Вып. 5. С. 67-76; Тишкин Г.А. Дворянская идея женской эмансипации // Публицистика эпохи Просвещения. СПб., 1995. С. 124-135.

²⁶ Шаповалова С.П. Крестьянская женщина Центрального Черноземья в 60-90-е годы XIX века (исторический портрет). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003; Колесникова В.Л. Женщина духовного сословия второй половины XIX – начала XX столетия: исторический портрет (на примере курской и Тамбовской губерний). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 2007; Бровкина Л.А. Дворянская женщина Центрального Черноземья в 50-90-е годы XIX века: исторический портрет. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тула, 2007; Меньшикова Е.Н. Купеческая женщина Центрального Черноземья в 60-90-е годы XIX века: исторический портрет (на примере Воронежской и курской губерний) Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2008; Черкасова Н.Н. Повседневная жизнь земских учителей российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Курской губернии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2006.

²⁷ Днепров Э.Д. Советская историография отечественной школы конца XIX – начала XX в. // Историографические проблемы изучения отечественной школы и педагогики. Сборник научных трудов. М., 1989; Жуков С.М. Життя та діяльність земських учителів: історіографія проблеми (друга половина XIX – початок XXI століття) // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Історія. 2009. № 852. Випуск 41. С. 282-293.

список работ по исследуемой теме содержит библиографический справочник Н.Л. Пушкаревой, в котором подведены самые общие итоги изучения в самых разных направлениях и аспектах «женской темы» отечественными и иностранными специалистами в XIX – XX веках²⁸.

Кроме российских историков к исследованию проблем места и роли женщин в земском образовании в конце XX – начале XXI вв. обратились и украинские исследователи²⁹. И хотя их работы не были этому посвящены специально, однако в той или иной степени их авторы обращали внимание на подготовку, профессиональный уровень, на материальное и социальное положение земских учительниц южнорусских губерний, территории которых ныне входят в состав Украины.

Целью исследования является изучение эволюции образования женщин в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века в контексте повседневности (по материалам Воронежской и Курской губерний).

Реализация поставленной цели возможна при решении следующих задач:

- выявить мотивационный спектр у женщин различных сословий к получению образования в условиях реформирования и модернизации страны во второй половине XIX – начале XX века;
- проследить развитие в провинции условий и возможностей для получения женщинами образования и культурного развития;
- проанализировать взаимосвязь семейных ценностей, уклада и выбора женщинами разных сословий профессии, рода занятий и жизненного сценария;
- определить этапы становления профессиональной деятельности образованных женщин в российской провинции и классифицировать их;
- рассмотреть гендерную специфику участия женщин в общественно-политической жизни российской провинции;
- исследовать роль женского образования в изменении семейных взаимоотношений и повседневной жизни семей различных сословий;
- проследить эволюцию отношения провинциального общества к женскому образованию и образованной женщине.

Источниковая база исследования представлена несколькими группами разнохарактерных источников второй половины XIX – начала XX вв. Архивные источники представлены документами, почерпнутыми в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), государственных архивах Курской и Белгородской областей (ГАКО и ГАБО). Опубликованные источники представлены материалами периодической печати, источниками личного происхождения, тиражированными документами органов земского самоуправления и общественных организаций.

²⁸ Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800-2000: Материалы к библиографии. М., 2002

²⁹ Непорожня Г.А. Суспільно-політична діяльність учителів і учнівської молоді України в 1900–1907 рр. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2002; Кравченко Т.М. Розвиток початкової освіти на Харківщині в другій половині XIX - на початку XX ст. Дис. ... іст. наук. Харків, 1999; Курченко В.В. Діяльність земств України з розвитку освіти (1864–1914 рр.). Дис. ... канд. іст. наук. Харків, 1997; Луценко С.М. Підготовка вчителів для початкової народної освіти в Україні у XIX столітті // Питання культурології: Міжвідомчий збірник. Київ, 1994. Ч. 2; и др.

Для рассмотрения вопросов становления и развития сети учебных заведений был привлечен широкий круг опубликованных источников: Обзоры Воронежской и Курской губерний, Памятные книги и Адрес-календари, историко-статистический труд И.П. Белоконого. Достоверность сведений содержащихся в вышеперечисленных источниках не вызывает сомнений, так как они основывались на официальных сведениях, собиравшихся губернскими государственными учреждениями. Так, Обзоры губерний готовились к печати в губернских правлениях и основой для них становились ежегодные отчеты губернаторов императору. Памятные книги и Адрес-календари создавались местными Статистическими комитетами, опиравшимися при подготовке справочников на те же официально собранные и обработанные данные. Эти источники не могли содержать существенно искаженные в ту или иную сторону сведения и факторы, так как были широко доступны специалистам и местному обществу, которое ревностно относилось к подобным искажениям. Кроме того, состояние дел в образовании находилось под постоянным и ревностным контролем со стороны земства, вкладывавшего значительные средства в свои школы, оказывавшего посильную помощь государству и частным лицам в развитии учебных заведений. Историко-статистическое исследование И.П. Белоконого было подготовлено с использованием материалов, собранных в губернском земстве в 1890-е годы как путем вычленения необходимой информации из текущего делопроизводства земской управы, так и с помощью специальных анкет и запросов в уездные земства и непосредственно к учительскому персоналу. Поэтому этот труд также не вызывает сомнений в его достоверности и полноте.

При изучении вопросов служебной повседневности женщин, трудившихся в земских структурах, кроме вышеуказанных источников, были задействованы архивные документы и периодические издания земства, отражающие как статистику деятельности земства, так и событийную сторону в развитии земской социальной сферы. Ежегодная с рубежа XIX – XX веков публикация Курским земством своей текущей школьной статистики позволила проследить эволюцию социального состава и качества профессиональной подготовки земского учительства, текучесть кадров в этом секторе земской экономики, условия труда и быта. Сводные сведения по земскому медицинскому персоналу были вычленены из материалов Врачебно-санитарной хроники Курского губернского земства. Обнародование большого объема конкретной информации по состоянию дел в своих образовательных и медицинских учреждениях, земство, конечно же стремилось продемонстрировать свои успехи и достижения, однако это было еще и возможностью заявить правительству и обществу о проблемах и недостатках в состоянии этих крайне важных отраслях, о недостаточности сил земства для их решения. Поэтому земцы не были заинтересованы в приукрашивании реалий и своего вклада. Подтверждением этого являются документы государственных структур, в частности канцелярии губернатора, отложившиеся в соответствующем фонде ГАКО (Ф.1. Канцелярия Курского губернатора), которые не противоречат сведениям земских источников.

Проблемы мотивации обучения девочек в семьях разных сословий, выбора профессии и рода занятий с опорой на полученное образование, эволюции участия в образованных женщин в общественной и политической жизни провинции мы путались решать путем анализа источников личного происхождения, материалов периодической печати, а также архивных материалов. Из привлеченных мемуаров следует особое внимание обратить на воспоминания лиц, связанных своим жизненным путем с исследуемым регионом. Это опублико-

ванные воспоминания И.П. Белоконоского, Н.Ф. Бунакова, Е.А. Карповой, Т.М. Коноревой, Е.Н. Кушевой, И.Т. Плетнева, А. Ратиева, С.В. Романовой, Л.М. Савелова, Е.А. Славутинской, С.В. Трахтенберг, С.А. Туника. Эти источники содержат значительный объем информации о роли образования в повседневной жизни женщин разных сословий исследуемого региона, отражая специфику трансформации женской повседневности, в зависимости от сословной принадлежности автора. Архивные материалы, в том числе и опубликованные в сборниках документов, позволили увидеть отношение государства к общественной активности женщин. Об этом свидетельствуют документы из фондов Департамента полиции МВД (ГАРФ. Ф.102), Курской губернской ученой архивной комиссии (ГАКО. Ф.2), Курского губернского по обществам и союзам присутствия (ГАКО. Ф.148), Уполномоченного по сельскохозяйственной части в Курской губернии (ГАКО. Ф.1504), Помощника начальника губернского жандармского управления в Белгородском, Грайворонском, Корочанском, Старооскольском и Новооскольском уездах (ГАБО. Ф.101).

Методика статистического анализа материалов первой общероссийской переписи населения 1897 года, текущей земской школьной статистики, губернских обзоров, ряда архивных статистических данных позволила нарисовать непротиворечивую картину эволюции женского образования по всем основным сословиям в двух центрально-черноземных губерниях.

Привлеченная источниковая база позволила решить поставленные задачи при изучении образования женщин в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века в контексте повседневности.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной историографии на конкретном материале комплексно рассмотрена эволюция общего и профессионального образования женщин в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века в контексте повседневности.

Была выявлена, структурирована и охарактеризована система мотиваций женщин при обращении к получению образования в рамках сословной структуры общества, с учетом социопсихологического аспекта. Установлено, что время, обстоятельства и масштабы проникновения женщин в отрасли экономики, требующие высококвалифицированного труда, были обусловлены не только масштабом и качеством образовательной подготовки женщин, но и рядом сопутствующих социальных процессов: женской эмансипацией, экономической и социальной непривлекательностью для мужчин некоторых видов профессиональных занятий, трансформацией общественного сознания и традиционных сословных семейных ценностей и др.

Прослежено влияние образования на изменение условий и структуры повседневной жизни женщин разных сословий, на возникновение новых и корректировку старых «жизненных сценариев» женщин, на рост общественной активности женщин и укрепления лояльного отношения к этому обществу в целом. Проанализирована обратная связь эволюции семейно-бытовых условий жизни женщины на социальную востребованность образования.

Особое внимание было уделено стратификационной составляющей в рамках конкретных сословий при изучении взаимосвязи образования и повседневности у женщин.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты и материалы будут использованы в работах по социальной и гендерной истории, по истории сословий, истории повседневности, по исторической

антропологии, а также в образовательном процессе высшей и средней школ (преподавание общесторических и специальных курсов, факультативов), в культурно-просветительских целях (музейные экспозиции и экскурсии).

Апробация результатов исследования была проведена в 2005 – 2011 годах на 10 международных конференциях в Белгороде (2005, 2006, 2008, 2009, 2011), Чернигове (2008, 2011), Воронеже (2007), Петрозаводске (2009) и Курске (2009). Основные результаты исследования были освещены в 10 статьях и главе в коллективной монографии (общим объемом 5,5 п.л.), в том числе в двух работах в изданиях, рекомендованных ВАК России для публикации основных результатов кандидатских диссертаций.

Структура диссертации включает введение, три главы, заключение, список источников и литературы.

Основное содержание диссертации

Во **введении** обоснована актуальность изучаемой проблемы, определены объект и предмет, методология, территориальные и географические границы исследования, представлен историографический обзор, сформулированы цель и задачи исследования, дана характеристика источниковой базы, раскрыты научная новизна и практическая значимость исследования.

В первой главе **«Мотивация женщины при получении образования в контексте трансформации сословной структуры общества»** проанализированы социально-экономические условия и мотивация женщин различных сословий к получению образования, а также становление и развитие в провинции сети женских учебных заведений. В ходе исследования было установлено, что формирование мотивации женщин на получение образование было обусловлено целым рядом факторов. Задачи экономической и социальной модернизации страны предполагали развитие образования, вовлечение женщин в трудовую деятельность, предполагавшую владение не просто азами грамоты, а порой и серьезным профессиональным образованием. С другой стороны либерализация и вестернизация общественной жизни выводили на сцену русской жизни через публицистику и литературу новых героинь, которые своим примером указывали женщине путь в школу. Нельзя сбрасывать со счетов и такой важный и мощный внутренний мотивационный фактор, как природная женская любознательность – стремление понять и освоить окружающий мир, заглянуть за горизонт, ответить для себя на тысячи вопросов: «как» и «почему». В тоже время мнение родителей в данном вопросе для дочерей оставалось приоритетным.

Вышеуказанные общие факторы в той или иной степени корректировались и дополнялись спецификой сословных традиций, типичных жизненных сценариев и повседневными реалиями. Для значительной части верхних страт дворянства и чиновничества обучение девочек было уже давно и прочно сформировавшейся устойчивой практикой. В рассматриваемый период она получила новое развитие: девочек из этих семей теперь все чаще определяли в открытые средние учебные заведения – гимназии. Таким образом, дочь жила дома, в семье, ежедневно общаясь с родителями и учителями. Многие дочери затем продолжали образование в высших учебных заведениях в России и за границей. Для состоятельных купеческих семей обучение дочерей во второй половине XIX – начале XX вв. рассматривается уже с точки зрения общественного престижа и нежелания в чем-либо уступать провинциальному дворянству, особен-

но той его части, которая еще в материальном плане была богаче купечества. В среде менее состоятельного купечества, а также среди мещанства на снятие психологических барьеров на пути дочерей в школу если и влияло подражание провинциальной элите, то влияние это было второстепенным. Здесь на первый план стала выходить рациональная составляющая. Они, как и разоряющее мелкопоместное дворянство, начинали понимать, что в новых условиях образованная девушка будет иметь больше возможностей обеспечить своими знаниями сама себе хотя бы скромное материальное содержание. К началу XX века на формирование мотивации крестьянских девочек к освоению грамоты все большее влияние стало оказывать мнение родителей, в том числе и матерей, которые на личном опыте познали важность образования в жизни крестьянки.

Модернизационное развитие страны генерировало возникновение новых и трансформацию старых институтов, в том числе и в сфере образования. Уже в начале 1870-х годов небольшое количество имевшихся в провинции учебных заведений не отвечало потребностям местного общества. Поэтому едва начав свою практическую деятельность, земство развернуло активную работу по созданию сети собственных образовательных учреждений, которые сразу же были открыты для девочек из всех сословий. Одновременно женские гимназии и прогимназии, открывавшиеся в губернских и уездных городах, стали преобладающими среди средних учебных заведений провинции. На рубеже XIX-XX века сеть доступных женщинам образовательных учреждений в российской провинции пополнилась профессиональными учебными заведениями. Обучались девушки в основном в тех учебных заведениях, которые готовили выпускниц для работы в школе и медицине, то есть в сферах, уже активно освоенных женщинами. Заметной была доля девушек (15,7%) среди обучающихся в школах и классах искусств (художественных, рисовальных, музыкальных) в Воронежской губернии. Новым явлением стало проникновение женщин в сферу коммерческого образования.

Важным обстоятельством в деятельности практически всех начальных, средних и профессиональных школ провинции было то, что их повседневная практическая работа способствовала размыванию сословных ограничений и барьеров. Попытки сохранить сословные ограничения в средней школе (например, знаменитый циркуляр «о кухаркиных детях») не смогли уже сдержать набравшую силу тенденцию. Всесословность большинства учебных заведений провинции для стирания в сознании молодого поколения сословных различий и предрассудков. Девочки разных сословий учились в одном классе по одной программе, они подчинялись одним правилам и требованиям, их оценивали по одной шкале, а успехи их определялись не сословной принадлежностью, а способностями и трудолюбием.

Вторая глава «Взаимосвязь уровня образования женщины и ее профессиональной деятельности» посвящена рассмотрению взаимосвязи семейных ценностей, уклада и выбора профессии в женской среде, а также выявлению этапов становления профессиональной деятельности женщин в российской провинции. В рассматриваемый период получившие образование женщины пытаются и находят применение своим знаниям и силам вне семьи, вне дома. Стихийный порыв девушек и молодых женщин к общественной и профессиональной деятельности, возникший под влиянием общеевропейского движения за эмансипацию женщин, в течение двух поколений сломал патриархальную семейную традицию сначала в среде дворянства и чиновничества, а затем и в других сословиях. При этом представительницы состоятельных групп провинци-

ального общества, которые руководствовались прежде всего идейными мотивами, проторили дорогу к профессиональной деятельности тем девушкам и женщинам, для которых ведущим, а порой и единственным мотивом была острая экономическая необходимость: нужно было искать средства к существованию своему и своей семье. Получив право и возможность трудиться, используя свой образовательный потенциал, девушки из разорившихся и бедных дворянских и купеческих семей, из семей мещан и лиц духовного звания, а затем и из крестьянской среды находили в этом труде средства для своего содержания и поддержки своих родных. С другой стороны, их труд был востребован обществом, они в своем большинстве трудились в учреждениях образования и медицины, т.е. учили, воспитывали и лечили. Логика прежних стереотипов о роли и месте женщины в семье сопровождалась возникновением новых аспектов в семейных ценностях. В семьях, где главы и члены были связаны с интеллектуальным трудом, родители прямо или косвенно влияли на выбор дочерью профессии. Наблюдая повседневную практику, профессиональные заботы отца или другого трудящегося члена семьи, девушка зачастую избирала путь в ту же или близкую профессию. Это было понятно и привычно, можно было надеяться на моральную и профессиональную поддержку, на квалификационный совет.

В исследовании установлено, что в становлении профессиональной деятельности образованных женщин логично выделяются два этапа. Активное проникновение образованных женщин в профессиональную деятельность начинается в первое десятилетие осуществления Великих реформ. К рубежу XIX-XX веков первый этап становления профессиональной деятельности образованных женщин завершился тем, что женщины стали преобладать в составе педагогической интеллигенции провинции, а в лечебных учреждениях они заняли значительную долю должностей среднего медицинского персонала. Следующий этап (начало XX века) был уже связан с закреплением завоеванных женщинами вышеуказанных позиций и проникновением в новые отрасли хозяйства, где требовался квалифицированный труд, в том числе и новые виды деятельности, возникшие как результат внедрения в повседневную жизнь провинции технологических новаций, например, телефонной и телеграфной связи. Уже к концу первого этапа закрепилась тенденция к демократизации состава земской педагогической интеллигенции провинции. Наблюдение за динамикой сословного состава земских учительниц в Курской губернии на рубеже XIX-XX веков дает основание говорить о снижении в течение 6 лет доли дворянок и девушек из духовенства (на 3,9 и 9,7 % - соответственно). И хотя в 1901-1902 учебном году они продолжали составлять большинство земских учительниц, однако им на смену приходили девушки из других сословий: доля крестьянок увеличилась за тот же период на 4,2 %, купеческих дочерей - на 4,2 %, дочерей почетных граждан - на 2,4 %. Несмотря на то, что в составе среднего медицинского персонала в земских лечебных учреждениях Курской губернии в 1902 году дочерей дворян и чиновников было более половины, но и здесь заметное место занимали выходцы из других сословий: мещанок было 17,0 %, крестьянок - 9,4 %, из духовного сословия - 5,7 %, дочерей почетных граждан - 3,8 %. Повседневная служба в школе или больнице с ее рутинной, общими профессиональными проблемами и заботы сближали тружениц, заставляя забывать о своем сословном происхождении, способствуя формированию нового корпоративного сознания и поведения.

В третьей главе «Женщина в общественной и повседневной жизни российской провинции» были рассмотрены вопросы участие женщин в общест-

венно-политической жизни российской провинции, значения женского образования в повседневной жизни семей основных сословий, а также эволюция отношения провинциального общества к женскому образованию и образованной женщине в рассматриваемый период.

В рассматриваемый период в российской провинции женщины всех сословий, участвуя в деятельности различных общественных организаций, порой создавая их совместно с мужчинами, выходя на сцену в любительском спектакле, собирая средства для нуждающихся через благотворительные и попечительские структуры, выставляя свою живопись на суд общественности, пропагандируя спорт и т.п., не только были активными потребителями достижений культуры. Они воспроизводили, транслировали, генерировали в том месте, где жили, самые разные элементы культуры. Их усилия были направлены не только на доставление удовольствия себе, они радовали и других, открывали окружающим что-то новое, формировали интерес и потребность в духовном и физическом совершенствовании. Активное участие в общественной жизни повышало социальный статус образованной женщины, придавало уверенность в своих силах, дарило чувство необходимости и полезности своей работы и себя для общества. Кто-то находил для себя в этом смысл жизни, а кто-то, оттолкнувшись от этого «малого дела», устремлялся к большему – переустройству, если не мира, то общественно-политического строя страны.

Спектр форм вовлеченности женщин в политическую жизнь был достаточно широк: от побочного интереса и отстраненного наблюдения до самопожертвования за идеалы какой-либо политической силы. Масштаб вовлеченности женщины в политику, конечно же, зависел от градуса накала политических страстей в стране в целом и в конкретном регионе или городе. Если попытаться это проиллюстрировать графиком, то до 1905 года степень вовлеченности образованных женщин российской провинции в политическую жизнь будет выглядеть едва заметной пунктирной линией, слегка приподнимающейся к началу первой русской революции над нулевой отметкой. При этом участие женщин в других составляющих общественной активности можно смело представить в виде уверенной заметно растущей кривой уже с середины 90-х годов XIX века. В 1905-1907 годах политическая линия описывает крутой взлет, а затем такой же спад. И если она не превышает отметки неполитической общественной активности женщин в этот период, то вполне с ней сравнивается. После первой русской революции женская политическая деятельность замирает, но она продолжает быть заметной линией на нашем умозрительном графике и в повседневной жизни. Общественная активность женщин в российской провинции после небольшого спада, вызванного завершением революции 1905-1907 годов, продолжала набирать силу и охватывать новые сферы жизни.

Анализ источников личного происхождения свидетельствует, что, овладение женщинами хотя бы элементарным образованием, а вместе с этим и азимы культуры много качественного уровня – более светской и универсальной – постепенно внесило принципиально иные составляющие в систему внутрисемейных отношений. Если для значительной части дворянства, некоторой части духовенства и богатого купечества российской провинции этот процесс к началу XX века успешно набирал силу и давал ощутимые результаты, то для крестьянства и других низших слоев общества последняя треть XIX – начало XX века стали стартом гуманизации внутрисемейных отношений. Распространение образования среди крестьянства и других неимущих слоев провинциального общества (рост числа начальных школ, открытие библиотек), в том числе при-

влечение в школу девочек, появление и закрепление в селе земских учительниц, фельдшерниц, акушерок, которые своим примером успешной принимаемой обществом профессиональной деятельности, стилем поведения и повседневной жизни, представляли крестьянским девочкам новые примеры жизненных сценариев. Овладение даже минимальным уровнем образования открывало женщинам новые каналы и способы получения информации, расширяло кругозор, делало их более открытыми и восприимчивыми к достижениям цивилизации в организации повседневного быта семьи.

Во второй половине XIX – начале XX века в российской провинции произошёл переворот в понимании местным обществом значимости женского образования. Это выразилось даже не в росте числа женских учебных заведений и числа обучающихся в школах девочек из всех сословий, а в том, что образованная женщина прочно заняла многие профессиональные ниши, требовавшие квалифицированного труда и определенного образовательного уровня. Повседневная жизнь начала XX века уже не представлялась без учительницы земской школы, преподавательницы в женской, а порой и мужской гимназии, женщины-врача, фельдшерницы и акушерки, работницы аптеки и телефонной станции. Коллеги-мужчины уже воспринимали как профессиональных партнеров, товарищей. Модернизация экономики требовала глубокой профессионализации труда, поэтому квалификация работника, его профессиональные знания и опыт становились определяющими при трудоустройстве и установлении размера оплаты его труда. Земства, как один из главных провинциальных работодателей для образованных женщин, на рубеже XIX-XX веков устанавливают квалификационные оплаты труда своих учителей и среднего медицинского персонала. Размер жалования теперь стал определяться исключительно качеством профессиональной педагогической или медицинской подготовки и стажем службы. Женщины за свой труд стали получать от земства не меньше, а порой и больше мужчин. Например, в Курском земстве фельдшерницы обычно имели более качественное медицинское образование, чем фельдшера, поэтому и жалование у них было в среднем выше. Успехи женщин на профессиональном поприще были видны и понятны не только работодателю, но и местному обществу. Главными потребителями услуг земских учительниц, фельдшерниц и акушерок были крестьяне, которые видели их добросовестное отношение к делу, уверенность в своих знаниях и силах, уважение к ученикам и пациентам, поэтому все охотнее отдавали своих дочерей в школу.

В заключении отмечается, что вступление России в эпоху великих реформ 1860-1870-х гг. и модернизационного развития сопровождалось кардинальными изменениями во всех сферах жизни общества. Не обошли эти процессы стороной и социальную структуру общества, повлияли на изменение повседневности и менталитета общества в целом и отдельных его составляющих: сословий, социальных страт и групп. Вектор этих изменений незначительно, с поправкой на национальную, конфессиональную и культурную специфику Российской империи, отличался от европейского пути, предполагавшего среди прочего и постепенное, но неуклонное вовлечение женщин в самые разные сферы хозяйственной, общественной (в том числе со временем и политической) и культурной жизни национальных государств.

Главным, системообразующим стержнем в этом поступательном движении, стало поэтапное устранение сословных и социопсихологических барьеров в стремлении женщин к получению образования разного вида и уровня: от овладения элементарной грамотой в домашних условиях до университетского ди-

плома. Россия в целом значительно отставала от ряда европейских стран в темпах и качестве этого процесса, а в российской провинции успехи в этом деле также были очень скромными по сравнению с российскими столицами и университетскими городами. Разные скорости достижения женской эмансипации наблюдались и на разных уровнях сословной структуры общества Российской империи. Так, дворянство, особенно крупно и среднепоместное, обладало большими возможностями для обучения женщин, чем другие сословия, и начало использовать их раньше других сословий и социальных групп. В этой страте дворянства женская грамотность и даже образованность считались обыденным явлением, и имела давние традиции, уходящие в XVIII век.

Для женщин из верхних страт дворянства главные мотивационные стимулы, как правило, не имели экономической подоплеки, а были обусловлены культурной традицией крупного дворянства и влиянием журнальной публицистики и беллетристики на романтические души молодых дворянок. Отечественная литература и публицистика либерального и революционно-демократического направления середины – второй половины XIX века звала девушек и молодых женщин к общественному служению народу, которое было невозможно без определенного образовательного уровня. Это движение частично захватывало и другие состоятельные слои – купечество и духовенство. Востребованность образования в конце XIX – начале XX в. молодыми женщинами была настолько велика, что побудило либерально настроенную профессуру столиц добиться открытия частных высших женских курсов, получивших общее обиходное название – «бестужевские». Программа этих курсов мало отличалась от программ подготовки в российских университетах.

Для девушек из мелкопоместных дворянских семей, как и для дочерей мещан, большей части семей духовенства, значительного числа семей купечества и крестьянства, превалирующим стимулом в получении образования был стимул экономической целесообразности. Надо было дать образование дочери по возможности более серьезное и качественное, чтобы она могла в будущем при неблагоприятных жизненных обстоятельствах сама себя прокормить, поступив на службу гувернанткой, домашней учительницей, учительницей земской или церковно-приходской школой, классной надзирательницей в прогимназии или гимназии, фельдшерницей, акушеркой, кассиршей в аптеке или магазине и т.п. Расчет родителей, как правило, был хорошо известен девушке. Она сама понимала истинное экономическое положение семьи. Часто в этот расчет входило будущее содержание младших братьев и сестер, а порой и самих старых и больных родителей.

Нельзя исключать, что помимо экономической целесообразности, сами девушки из малообеспеченных семей увлекались идейной составляющей под воздействием самых разных факторов – литературы и публицистики, подруг, воспитательных мер преподавателей учебных заведений. Порой существенным мотивационным началом могли стать познавательный интерес и природная любознательность, подражание уже учащимся старшим братьям или сестрам, желание научиться читать, чтобы самостоятельно осваивать библиотеку родителей. Таким образом, можно говорить о сложной, комплексной мотивации в получении девушками образования и последующем его применении как основы и условия профессиональной деятельности. Сама повседневность начала XX в. требовала если не образованности, то уже грамотности. В рамках повседневных реалий женская грамотность уже является чем-то обязательным среди верхних страт своих сословий.

Постоянно увеличивающийся спрос на обучение девочек, потребности модернизирующейся экономики, общая гуманизация общественной жизни формировали условия и возможности для создания в российской провинции женских учебных заведений разного уровня и вида. К небольшому количеству закрытых учебных заведений, в которые могли поступать девушки из дворянских семей, добавились епархиальные училища, затем женские начальные школы 3 разрядов, а накануне отмены крепостного права в городах стали открывать женские воскресные школы.

Прорывом в развитии образования в российской провинции стала деятельность в сфере образования земств, которые с начала 1870-х годов активно финансировали и открытие и работу сельских школ, в которые обычно принимали крестьянских детей обоюго пола. Так, в 1901 году в 95,8 % сельских школ Воронежской губернии велось совместное обучение мальчиков и девочек, в 1913 году доля школ со смешанным составом учащихся стала еще больше – 98,6 %. Значительно выросла и доля обучающихся девочек в этих школах – с 13,9 % до 29,7 % в период с 1901 по 1913 год, а численность обучающихся девочек в этот период выросла с 6 235 до 39 204 человек – в 6,3 раза. Значительным был вклад в обучение грамоте крестьянских девочек и церковно-приходских школ. Так, в 1901 г. в 880 сельских церковно-приходских школах училось уже 17 891 девочка, что составило 36,9 % контингента обучающихся.

Осуществленная в русле преобразований 1860-70-х годов реформа гимназического образования дала толчок активному открытию в городах российской провинции женских гимназий и прогимназий, которые практически сразу стали всеобщими средними женскими образовательными учреждениями. К рубежу XIX – XX веков во многих регионах Российской империи женские средние учебные заведения превалировали по своему количеству и численности обучающихся над подобными мужскими школами. Так, в 1900 году на 15 женских гимназий и прогимназий приходилось только 5 мужских средних школ, а в 1901 году в Воронежской губернии на 10 женских приходилось 6 мужских учебных заведений. Численность обучающихся в средней школе в Воронежской губернии в 1901 году также была в пользу женских учебных заведений, в которых насчитывалось 3 093 ученицы, в то время как в мужских только 2 270 человек. Школьницы и гимназистки становятся таким же обыденным явлением в повседневной жизни провинции, как и торговцы-лотошники.

Значение женских гимназий заключалось еще и в том, что окончание гимназии давало девушке право на профессиональную деятельность в сфере образования, так как окончившие полный 7-летний курс получали аттестат на звание учительницы начальной школы, а окончившим 8-й дополнительный педагогический класс присваивалось звание домашней учительницы. Подобную квалификацию получали выпускницы епархиальных училищ, но таких школ было крайне мало – по одному в губернии.

Только на рубеже XIX – XX веков в российской провинции начинают создаваться специальные женские профессиональные учебные заведения, а также начинают принимать женщин в мужские профессиональные учебные заведения. В Курской губернии первым таким специальным женским профессиональным учебным заведением стала открытая в Курске в 1900 году частная женская учительская семинария Л.Н. фон Рутцен, которая по заказу губернского земства готовила учительниц для начальной школы. В Воронежской губернии первым женским профессиональным учебным заведением стала женская фельдшерская школа губернского земства. Со временем фельдшерская

школа Курского губернского земства открыла двери для женщин. Накануне первой мировой войны женщины стали принимать в художественные, рисовальные, музыкальные классы и школы. Однако в активно возникавших в начале XX века всевозможных ремесленных, сельскохозяйственных, лесных и других учебных заведениях по-прежнему обучались только мужчины. При этом существовали различные учебные заведения, организованные благотворительными и попечительскими организациями при своих убежищах, приютах, общинах, где наряду с общим начальным образованием девочкам давали низшее профессиональное образование: готовили швей, портних, ткачих, огородниц, сестер милосердия и т.п.

Основное содержание диссертации опубликовано в следующих научных публикациях автора

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации основных результатов кандидатских диссертаций:

1. *Шатохина С.Б.* Женщины в общественной жизни российской провинции на рубеже XIX – XX веков (по материалам Курской губернии) // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. 2008. № 13 (53). Вып. 7. С. 87-91. 0,5 п.л.

2. *Шатохина С.Б.* Особенности перерастания общественной активности женщин в политическую в российской провинции в начале XX в. // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 9 (64). Вып. 11. С. 118-124. 0,7 п.л.

Научные статьи, опубликованные в других изданиях:

3. *Шатохина С.Б., Шатохин И.Т.* Попытки создания непрерывной системы повышения квалификации учителей начальной школы в российской провинции на рубеже XIX – XX веков // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура.: в 2 т.: сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф. /отв. ред. И.Т. Шатохин (г. Белгород, 8 декабря 2006 г.). Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. Т. 1. С. 255-259. 0,4 п.л.

4. *Шатохина С.Б.* Театр и художественное творчество в жизни Курской интеллигенции в конце XIX в. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура.: в 2 т.: сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф. /отв. ред. И.Т. Шатохин (г. Белгород, 8 декабря 2006 г.). Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. Т. 2. С. 303-307. 0,4 п.л.

5. *Шатохина С.Б.* Педагогическая интеллигенция российской провинции рубежа XIX – XX веков (гендерный аспект) // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету імені Т.Г. Шевченка. Вып. 52. Серія: історичні науки: № 5: Сбірник. Чернігів: ЧДПУ, 2008. С. 156-160. 0,5 п.л.

6. *Шатохина С.Б.* Освещение общественной и профессиональной деятельности женщин на страницах «Курских губернских ведомостей» в конце XIX века // Журналистика и медиаобразование – 2008: сб. трудов III Международной науч.-практ. конф. (Белгород, 25-26 сентября 2008 г.): в 2 т. Т. 1 / под ред. проф. А.П. Короческого. Белгород: БелГУ, 2008. С. 126-130. 0,4 п.л.

7. *Шатохина С.Б.* Развитие женского образования в Воронежской и Курской губерниях во второй половине XIX – начале XX вв. // Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: сб. науч. тр. V Междунар. науч. конф. / отв. ред. И.Т. Шатохин (г. Белгород, 23-24 января 2009 г.). Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. С. 253-256. 0,4 п.л.

8. *Шатохина С.Б.* Образование и общественная деятельность купеческих женщин российской провинции во второй половине XIX века // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (Курск, 2009 г.) / сост. А.И. Раздорский. Курск, 2009. С. 335-338. 0,4 п.л.

9. *Шатохина С.Б.* Невесты и жены в воспоминаниях российских чиновников рубежа XIX – XX веков // Вістник Чернігівського національного педагогічного університету імені Т.Г. Шевченка. Вып. 87. Серія: історичні науки: № 8: Сбірник / гол. ред. Носко М.О. Чернігів: ЧНПУ, 2011. 0,4 п.л.

10. *Шатохина С.Б., Шатохин И.Т.* Образование и условия службы фельдшер и фельдшеров в Курском земстве на рубеже XIX – XX веков // Сборник научных трудов V Международной научной конференции «Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». г. Белгород, 27-28 октября 2011 г. / отв. ред. И.Т. Шатохин, И.Г. Оноприенко. Белгород: НИУ «БелГУ», ООО «ГиК», 2011. С. 212-217. 0,4 п.л.

11. *Шатохина С.Б.* «Всю себя отдавая своему делу, вкладывая в него, без всяких фраз и рисовки, всю свою душу и работая буквально не покладая рук...». Повседневная жизнь образованной женщины в российской провинции (Глава 7) // Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX – начала XX вв. / отв. ред. В.А. Шаповалов, И.Т. Шатохин. Белгород: НИУ «БелГУ», ООО ГиК», 2011. С. 284-299. 1,0 п.л.

Подписано в печать 11.11.2011. Times New Roman.
Формат 60x84/16. Усл. п. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 272.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИПК НИУ «БелГУ»
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85